

Борис Дышенко

ЖЕРНОВ И РЕВОЛЮЦИЯ

Как всегда, Жернов пришел вовремя — он всегда приходил вовремя. Как бы сильно ни болела голова, как бы ни прожались чисто отмытые с набухшими венами руки, как бы ни замирало ослабевшее к утру сердце, — в восемь часов Жернов всегда был здесь. Каждое утро он первый открывал обитую пермантинном, с торчащими из прорех ошметками войлока дверь и с ненавистью слушал фыркание включающихся газосветных трубок под потолком. Комната несколько раз моргала и потом появлялась неподвижная в мертвенном бело-сиреневом свете. Жернов и не представлял себе другого света — и дома у него был такой же, — просто с утра он ненавидел все вокруг. Он обходил стол, выдвигал ящик и каждый раз на несколько секунд степенел, когда к передней стенке ящика выкатывался блестящий и чистый стакан. Это продолжалось уже несколько недель и у него не хватало духу что-нибудь предпринять. Вся жизнь он действовал одинаково и не хотел действовать как-нибудь иначе, но до сих пор никому не пришло бы в голову с ним так поступать. Каждый вечер уходя, он выливал в стакан остатки портвейна и запирал его на ключ в верхнем ящике стола, и вот уже три-четыре недели по утрам он неизменно находил его вымытым и пустым. Он знал, что это — результат его собственной ошибки, но мог только скрипеть зубами от злости. Все же у него не доставало ненависти к уборщице. С женой он развелся пять лет назад.

Он стоял посреди комнаты, прищуриваясь. Сильно пахло донторскими: ну да, уборщица приходит по вечерам. Нужно будет сказать ей, чтобы проветривала. Он подошел к окну и открыл его. Помещение сразу наполнилось холодным воздухом, и свет дневных ламп немного померк. Жернов снял черное с

каракулевым воротником пальто, повесил на гвоздь, вбитый в стенку крашеного полового краской шкафа, снял кашне. В пиджаке, в шапке стоял у окна, обхватив себя руками за плечи, зяб. Глядел на двухэтажный флигель, за которым — он знал — это — находились второй, точно такой же, расположенный параллельно, помещение находилось в третьем. Он вдруг задумался: для чего было ставить три параллельных флигеля во дворе? Эта мысль, появившись, испугала его. Он снял шапку, повесил ее на гвоздь, причесал расческой жесткие, не желавшие лежать назад волосы и закрыл окно. Отодвинул стул, сел за стол, подпер свое длинное рябое лицо чисто вымытыми руками. Вдруг вспомнил: сегодня понедельник.

"Значит, конторских не было эти два дня? — подумал он. — Целых два дня держится запах!" — он покачал головой.

Достал из кармана пачку папирос, закурил одну. Выдохнул дым и раздавил папиросу в пепельнице. С утра, как всегда, не курилось.

"Вот сейчас бы стакан, как прежде!" — с вялой завистью подумал он.

На всякий случай выпнул ящик, блестящий гранями стакан, выкатившись, ударился о переднюю стенку.

"Что-то она не забыла", — подумал он.

Постепенно, по одному, по двое стали появляться конторские. Здоровались, угодливо улыбались, проходили. Иные делали озабоченные лица.

"Скоро опять навоняют", — с презрением подумал Жернов. Опоздавший, выражая спешку, промчался мимо стола.

"Небось, встать-то не очень спешил", — додумал Жернов.

Он внезапно подумал: не конторские ли каждый раз выпивают его портвейн? Отверг эту мысль: конторские уходили раньше, и никто кроме уборщицы не имел ключа от помещения.

Конторские зашелестели. ~~Началась~~ Началась ежедневная жизнь. На жизнь — борьба. Конторские тайно враждовали с Жерновым, надеялись, что однажды он умрет. Один раз, и в правду, чуть не умер, но конторские не знали об этом. Они думали о нем, как об уголовнике. Изредка конторские бросали на него косые взгляды. Он сидел, задумавшись, и не замечал

этого. Он знал об их неприязни — она его не интересовала.

Уборщица приходила по вечерам, чаще, когда никого и самого Жернова уже не было в помещении. Если Жернов задерживался, молча убирала, пока он пил, потом садилась на стул боком к столу и начинала болтать. Однажды застала его, сидящим за столом, с головой, запрокинутой за спинку стула. Рубашка была застегнута на все пуговицы, и он хрипел. Уборщица расстегнула ему воротничок, смотрела, как желтеет, ожимая, его рябое лицо. Стояла над ним.

— Спаси-я-ительница! — умилилась она.

Когда конторские на время ушли, Жернов сходил в магазин и вернулся. Тайно от всех налил стакан вина и мелкими непрерывными глотками выпил до дна. Только тогда открыл окно.

"Все равно навоняют", — с удовлетворением подумал он. Теперь мог хоть покурить.

Пять лет назад Жернов разошелся с женой. Вернувшись домой, он застал ее голой...

— Ты лучше ничего выдумать не могла? — спросил он поморщившись.

Мужчину он послал за бутылкой. Она думала, что он наедине хочет ее бить, и заперлась в туалете. Жернов не стал бить жену, сидел, курил. Потом, когда распивали бутылку, жена плакала, собирала вещи. Перед этим Жернов сказал мужчине:

— Ты забирай ее с собой.

— Куда ж я ее заберу? — испугался мужчина. — У меня дома семья.

— Не знаю, — сказал Жернов. — Она здесь не числится; она вообще из другого государства.

К концу дня конторские заделестели газетами. Жернов их за это ненавидел — сам он никогда не читал газет. Но больше всего он ненавидел их за суетливость.

— Уже зашевелились! — сказал Жернов и они притихли.

Но он посмотрел на часы: оставалось пять минут. Он на-

клонился и плюнул ^{под} ~~стол~~ стол.

Когда он заканчивал вторую бутылку, пришла уборщица. Долго возилась с уборкой, потом потолкалась еще во все углы, но увидев, что Жернов не собирается, сложила инструменты в туалет и ушла. Ничего не рассказала.

В этот вечер неожиданно довезло: пришла девушка Дина. Она не первый раз приходила сюда. Сначала Жернова раздражало, когда она подвлялась, но потом он привык и перестал стесняться. Сегодня он даже обрадовался.

А-я увидела, у вас свет горит, зашла посмотреть, — оправдывалась Дина и все вертелась, вертелась, оглядывалась по сторонам.

Ничего не говоря, Жернов встал, схватил ее в охапку и повалил. Она сперва сопротивлялась, брыкалась ногами, но потом сдалась.

— Смотри, только не говори никому, — шептала она потом, заглядывая в глаза, — а то узнают, — засмеют.

Жернов встал, застегнулся, посмотрел в сторону.

— Ты при посторонних не называй меня на Ты, — сказал Жернов.

Он хотел налить ей стакан вина, но подумал, что жирно будет, и выпил сам.

2

С утра, при дурной погоде проходя по улицам, Жернов заметил, что там и там на балконах вывешены транспоранты, хотя, насколько он помнил, никакого праздника в ближайшие дни не предполагалось. Не стал интересоваться этим фактом: никогда не любил праздников, несмотря на то, что пил в эти дни больше, чем обычно. Потом в помещении, стоя у раскрытого окна в шапке без пальто и кашне, мрачно радовался тому, что сам выпил вчера последний стакан, и хоть похмелить — было нечем, но и уборщице ничего не досталось. Позже, когда сидел за столом, что-то толкнуло его открыть ящик. Увидел пустой стакан, такой же вымытый и блестящий, как

всегда по утрам. Ему стало немного не по себе, как бы стыдно. Стукнул по столу кулаком и плюнул на пол. Сердце ухало и исчезало, как обычно.

С уборщицей были свои дела. В этот раз, когда она спасла его от удушья, придя в себя и чувствуя обязанность поблагодарить ее за факт спасения, он налил ей из бутылки стакан. Тогда, хоть и в удушьи, вызванном тесным воротничком сорочки, Жернов немного успел проспать и с некоторым даже интересом выслушал ее рассказ о том, как год назад инженер убил ее взрослого сына.

— Они туда во двор зашли у школы, — задыхаясь от увлечения и ужаса рассказывала она, — там на лавочке вторую бутылку и выпили. А потом, видно, разругались. Он когда упал, инженер потом его камнем по голове бил. Большой такой камень, инженер долго бил, пока всю голову не разбил, как лепешку. Сразу и не узнали, кто такой. Потом затащил в кусты и бросил.

— Как же узнали? — спросил Жернов.

— А утром мети нашли, — объяснила уборщица. — У него в кармане пропуск был.

— А инженера как?

— Соседи знали, что они вместе пьют. Тот пришел вечером сильно в крови. Инженер-теплотехник. Пять лет дали, потому что перед этим выгнали и лишили. А то дали бы десять.

Жернов молчал, курил, задумался, как все бывает. Ненавидел все это!

В обед конторские построили маленькую виселицу у второго флигеля. На лестнице подманили чью-то кошку. Теперь судили ее. Один держал ее на руках, поглаживая. Кошка мурлыкала — не понимала, что ее судят.

Жернов успел сходить в магазин, как всегда, выпил свой стакан. Теперь стоял у открытого окна, курил, глядя во двор. Конторские сгрудились у второго флигеля, что-то горячо обсуждали.

— Что-то затевают, сволочи, — с тревогой подумал Жернов.

Потом увидел небольшую виселицу буквой Г и кошку на

руках у конторского. Все понял.

— Эй, вы! — закричал Жернов, высунувшись из окна и грозя чистым кулаком. — Вы там что?..

Конторские прекратили обсуждение, уставились на Жернова, топтались в нерешительности на месте...

— Вы что? — кричал Жернов. — Я вам!..

Конторские не уходили; видимо ждали, когда Жернов отойдет от окна. Жернов, и правда, отскочил от окна, хлопнув двумя дверьми, выскочил на лестницу и бегом спустился во двор. Громко топая, побежал ко второму флигелю, где конторские спешно вдевали кошку в петлю. Конторские, услышав, что он бежит к ним, бросились от него в рассыдую. Кошка осталась висеть, поджав хвост к животу, еще не прыгала. Жернов, приподняв кошку, осторожно ослабил петлю, снял с шеи. Отшлепав кошку, отпустил. Вернулся в помещение. Ему было жаль, что он не поймал кого-нибудь из конторских и не набил ему морду.

Когда ходил в магазин, заметил какое-то возбуждение, как будто все были недовольны и чего-то ждали. Или не допили... Не обратил внимания, потому что самого крутило с похмелья. Теперь, сидя после двух стаканов за столом и покуривая, вспомнил об этом.

"Ну и народ! — подумал про себя Жернов. — Тупой народ — сам не знает, чего хочет."

Конторские, напуганные, сидели тихо, не шелестели даже газетами.

К концу дня вспомнил Дину и удовольствие, которое от нее получил.

"Зачем приходила? — подумал Жернов. — Я ее не просил. Сама пришла. Теперь начнет называть на Ты — все поймут. Надо будет напомнить ей, — подумал Жернов, — чтоб не говорила."

Вообще не понимал, зачем с ней связался. Последнее время как-то забыл о женщинах: дил — и все. Жену все это время не вспоминал, хотя теперь подумал, что она, пожалуй, была лучше Дины.

"Зачем она мне нужна такая? — подумал он. — Придумала тоже! домой водить..."

Дину подучила сюда ходить уборщица: Дина приходилась уборщице племянницей, и та желала ей добра.

— Ты походи туда, — говорила ей она. — Он разведенный — может, что получится. Ты, главное, поспи, — наставляла уборщица, — мужики это любят. Поспит-поспит и женится. Чего даром пить?

В пять часов конторские защелкали замками своих чемоданчиков. Жернов молча смотрел на них своим рябым лицом, как выходили. Шумной компанией валились вниз до лестнице — удалялись их голоса. Потом возникли снова во дворе под окном

— Целый день сверлит глазами, людоед проклятый! — слышалось там.

— Ничего. Скоро всем таким шею скрутим, — услышал Жернов, как чей-то голос сказал.

Сидел, наливался желчью, пил вино. Дину он сегодня не ждал, но она и не пришла. Уборщица тоже все не приходила. Бросил в ящик пустой с остатками винной краски стакан, а ящик не стал закрывать — ни к чему.

3

К транспорантам на улицах добавились кое-где флаги. Жернов старался не обращать ни на что внимания, только по утрам, когда заглянул в стол, увидел, что опять стакан чисто вымыт, и даже ~~пожелтел~~ пожелтел от злости.

"Чего моет? — стиснув зубы подумал он. — Ведь не было же в нем ничего!"

Конторские пришли и сразу одять навоняли. Сегодня шушукались и почти без стыда заглядывали в газеты. Жернов прикрикнул на них, и они на минуту притихли, но потом опять принялись за свое, газета ходила по рукам.

"Свободничают!" — подумал Жернов, но больше вмешиваться не стал.

"Интересно, почему это Дина вчера не пришла? — подумал Жернов, пытаясь курить. — Стесняется", — подумал он.

Он не знал, что Дина племянница уборщицы. Знал, что у уборщицы есть племянница, но не знал, кто. Однажды, уборщица рассказала ему, что они все деревенские.

— Мы все деревенские, — говорила она, — и я, и муж был, и они. Брат у меня тоже и племянник, и племянница — много там народу.

Вернувшись из магазина, увидел на своем столе "Главную Газету". Холодно взглянул на нее — ко всему был готов — и прошел мимо к окну. Открыл окно, снял пальто, кашне, схватил, вымыл руки. Придя, достал из портфеля бутылку, налив чистый стакан вина, не походя на сантиметр по краев. Выпил, выдохнул ноздрями приторно-сладкий воздух, закурил.

"Сволоочи! — подумал он, взглянув на газету. — Подсунули."

Канторские еще не приходили. "Главная Газета" говорила, что "с этим пора кончать" и призывала ко всеобщей забастовке. Поторопее, пока никто не видел, спрятал газету в стол.

Понемногу стали возвращаться канторские. Проходили, с независимым видом усаживались на места, шептались газетами, некоторые расхаживали от стола к столу. Когда пришел последний, Жернов посмотрел на часы.

"Свободничают! " — подумал он.

Сходил в туалет, вымыл руки.

Однажды уборщица рассказала историю.

— У нас в деревне был мужик, — рассказывала она, — с дочкой жил. Думали, можно — оказалось, нельзя. Так шесть детей она ему и нарожала. Дети рождаются без косточек, полумные, все погодки. И такие мягкие-мягкие. Кто на лавочке, кто на табуретке сидят — и не держатся: так и растекаются все. Как студень. А добрые: один получился, как гроб. Колюшется и весь в медальках. Говорили ему, нельзя — не послушался. Так шестерых и нарожали.

Жернов был в деревне только один раз. Ему теперь все казалось, что это в той деревне и произошло.

Сегодня конторские совсем обнаглели: защелкали замками раньше, чем обычно, не досидели точно до конца. А Жернов ждал не дождался, когда они все наконец уйдут. Не мог их видеть в такой наглости и свободе, но сделать ничего не мог. Когда при открытом окне пид, пришла уборщица. Жернов посмотрел, как она с виноватым видом тычется во все углы, молча пид.

.. — Ты б. налил, — сказала она, убравшись, и сложила руки под животом.

.. — А ты б. попросила, я б. и налил, — с обидой сказал Жернов. — Зачем свободничаешь? знаешь, что мне на утро надо...

Поднимаясь по темной пахнущей плесенью лестнице домой и спотыкаясь, вспомнил, что сказала ему уборщица после стакана. Она села боком у стола, сложила руки на колени и с таинственным страхом и восторгом пропела:

.. — Кто газету читал, говорят: скоро революция опять будет, — поглядела на Жернова вопросительно.

.. — Ты бы не боялась ненужного, чего не надо, — сердито сказал ей Жернов, — а то гляди, как раз дободтаешься.

"Надо же! научилась у конторских", — подумал он теперь.

4

.. В этот день весь транспорт без дозволения ездил на красный свет. Это сильно затрудняло движение на перекрестках, и почти повсеместно то и дело организовывались пробки. Жернов, подолгу простаивавший на переходах, пришел позже, чем обычно. Все равно никого из конторских еще не было здесь.

.. "Свободничают, — сказал Жернов, — не то хитрят, что движение трудное, — подумал он, — или обнаглели совсем."

.. Как всегда, открыл окно, потому что не выносил их запаха. Долго курил на холодке у окна, хоть и не курилось с похмелья. Откуда-то издалека доносилась, там громкая, музыка из репродуктора — такие большие колокола. На улицах сегодня везде их повключали, и они гремели. Жернов не выносил этой музыки: и вообще-то никогда музыкой не интересовался, а от этой зверел. Закрыв окно, уселся за стол и

стал ждать конторских, чтоб опять навоняли.

Они сегодня хоть и опоздали, но пришли все-сразу, вместе. Гордо и вызывающе посматривали на Жернова со своих мест, почти не притворялись.

"Ну, ты гляди! — удивлялся он про себя. — Как они те-дерь! Видно, что-то почували. На что хорошее, а на всякие гадости и нюх, и время найдется." Плюнул под стол и стал звонить по всем номерам.

— А ты чего не женишься? — спрашивала уборщица вчера. — Женился б — меньше пил.

— А чего мне не пить? — спросил в ответ Жернов. — Я на свои пью, не занимаю.

Жена тогда так и уехала в свою страну. Больше о ней не было ни слуху, ни духу. Портвейн дорожал, и конторские нагнали.

Уже с обеда на улицах было полно народу, как в законные выходные. Сговаривались сразу человек по десять, все вместе шли в магазин. Держались развязно, загадочно смотрели на продавщиц, но и те не боялись. Правда, ни к кому не приставали, только, набрав бутылок, уходили во дворы и парадные быстро пить. Здесь же в магазине стоял шум и галдеж.

— Больше трех не собираться! — никому крикнул какой-то очень кудрявый весельчак.

"Пошутить у меня, — неохотно подумал Жернов, — пошутиться..."

Взял, как обычно, пива. Когда шел назад, обратил внимание, что теперь уже все балконы в транспорантах и кое-где вот-вот начнутся драки, но рябое лицо Жернова внушало доверие, его не трогали.

Как Жернов ни старался вернуться из гастронома пора-ше — ведь ожидал от конторских сегодня какой-нибудь гадости, — кто-то опять подложил ему на стол "Главную Газету". Жернов хотел сунуть ее в стол, как и вчерашнюю, но передумал.

"Нет, убирать не буду. Надо им показать," — думал он,

постепенно стервенея.

... Руки тряслись. Налил полный стакан портвейну, выпил до дна. Все как следует спрятал. Взял из пепельницы погасшую до обеда папиросу, прикурил снова. После этого открыл окно и пошел мыть руки.

После обеда конторские затеяли маршировать. Построились по двое и ходили вперед назад через помещение от столов до двери и обратно под музыку, которая там, за флигелями была громкой, а сюда доносилась издалека. Жернов терпел около часу. Потом встал, схватил в чулан. Принес оттуда пыльные резиновые сапоги, расстелил на столе полкинутую газету. Демонстративно завернул в нее сапоги и унес сверток в чулан. Когда-то Жернов служил срочную службу в армии и теперь презирал конторских за их неумелость, но не высказывал им своего мнения.

"Буду я еще учить их! — с презрением подумал Жернов. — И так сплошное безобразие. Ну прямо, как обезьяны в зоопарке", — думал он.

... Еще уборщица вчера рассказала, как собирались они всей родней убить мещера-теплотехника за ее сына.

— Он у нас недалеко на лесоповале работал, — рассказывала она. — А тут брат прибежал. Он моему сыну дядькой. Так любил! Они рыбу вместе ловили. Он прибежал и говорит: этот, говорит, теплотехник у нас рядом на лесоповале работает. Шофером. Давайте, говорит, его убивать за племянника. Ну, все сговорились, а как раз зима. Лед на реке стоит крепкий, надо прорубь рубить. Да вот, запьянствовали — так ничего и не вышло.

"Тупой народ, — подумал Жернов, — зачем убивать?"

Он стиснул зубы оттого, что мимо его стола опять промаршировали конторские.

Когда конторские разошлись, Жернов, расстегнув на всякий случай воротничок и открыв окно, чтобы проветрить помещение от запаха, налил из бутылки в стакан портвейну и со-

бирался выйти. Сидел, задумавшись, над стаканом. Даже не заметил, как потихоньку пришла уборщица. Послал ее за дополнительной бутылкой в гастроном. Потом вместе сидели, пили вино.

— Что-то я здесь Дины не вижу, — сказала уборщица по женски, — не приходит?

— А что? — угрюмо спросил Жернов, хотя сам внутренне насторожился.

— Да нет. Ведь она племянница мне, — оправдывалась уборщица, — а?

— Нет, — сказал Жернов, — не видел.

— Сиротка! — жалостливо сказала уборщица. — Я ее жалею. А?

— Родителей нет? Почему? — спрашивал Жернов. Не верил, что сирота.

— Отец-мать деревенские, — сказала уборщица, отводя глаза, — все мы из деревни.

— Чего же сиротка? — сказал Жернов. — Есть же родители. Братья, сестры...

Дина пришла сразу же, как будто ждала, когда уборщица выйдет за дверь. Жернов и дожидаться не стал, тут же повалил ее на пол. На этот раз она совсем не сопротивлялась.

"Чего уж там, — думала она. — Если б не было, а то было."

Когда встал, спросил ее, зачем она не говорила, что племянница.

— А что ж говорить? — ответила Дина, зажимаясь своей юбкой и нижней рубашкой. — Я стеснялась: вроде как бы я племянница уборщицы.

— Врешь, наверное, — предположил Жернов, — наверное, это она тебя подговорила. Ох и люди! Нельзя с вами по-доброму.

— Ты все-таки не говори мне Ты, — еще раз напомнил он.

улицях почти не было, зато транспортов и флагов было столько, что уже и балконов было не видеть. Небо обложилось тяжелыми тучами, но дождь не шел. Жернов, не включая освещения, постоял у открытого окна, в тяжелом одеянии глядя на параллельный флигель в пасмурном дворе. Подойдя к стене, повернул выключатель. Напрягшись, и стиснув зубы, ждал, пока зафыркает и вспыхнет стылый неподвижный свет. Стена, шкаф с висящим на стене пальто, запертые столы — все это... Подошел к своему столу, отпер его, нервно захлопнул ящик, прислушался, как застучал, катаясь между стенками, стакан. Запах конторских не выветривался. Сел за стол и сидел, стиснув голову руками: не то спал, не то думал...

"Главная Газета" сообщала о полной победе вооруженного восстания. "Новое правительство в прежнем составе приступило к проведению политики". Сегодня конторские не подбрасывали ему газету — Жернов сам прочел передовицу, возвращаясь из гастронома. Конторские притихли, сидели весь день за столами, даже не шелестели. "Ладно, перебьемся", — думал Жернов. Ему предстояло два дня быть дома.

//////